

Золотарев Дмитрий Юрьевич —

директор департамента макроэкономики администрации губернатора Пермского края.

Dmitry Yu. Zolotarev —

Macroeconomics Department of the Governor's Administration of Perm Krai.

О циклах, культурной сложности, цифровой экономике и промышленной революции

В ходе работы «Стратегического сообщества Усть-Качка» по подготовке стратегического сценарного прогноза в формате PEST(M) в 2013 г. [1] автором была выдвинута гипотеза о смене «системных точек сборки» мирового пространства. В дальнейшем гипотеза получила событийное подтверждение. Суть гипотезы: в разные периоды на уровне «мир» происходят циклические смены «мультитренда» (главного тренда)¹.

В частности, на разных этапах определяющими для сборки являются:

- геоэкономика (1985–1990-е годы) — часть цикла, призванная обеспечить формирование «нового» производящего капитала² сформированными ранее политическими страновыми (цивилизационными) и стратегическими корпоративными союзами;
- геофинансы (до 2008 г.) — перераспределение или захват капитала за счет механизмов денежной эмиссии, *currency board* и целевого управления рынками;
- геополитика (с 2014 г.) — разрушение капитала конкурентов, конкурентной пространственной инфраструктуры, систем управления и, как следствие, «вынужденное» формирование новых военных и политических союзов как странами, подвергшимися геополитическо-

му давлению, так и странами, старающимися не допустить появления конкурентных союзов;

- геокультура — формирование смысловой (концептуальной) сложности, способной обеспечить долговременность политических и экономических союзов путем формирования основ для культурной комплементарности цивилизаций, входящих в данные союзы.

Здесь интересно отметить, что, когда в 1990-е годы Россия пыталась встроиться в так называемый западный мир, там уже был сформирован межстрановой капитал V уклада и место для равноправного геоэкономического партнерства просто отсутствовало. И пока мы с большим энтузиазмом реализовывали у себя геокультурную часть цикла мировой системной сборки в виде принятия «общечеловеческих ценностей», в отношении нас цинично использовались механизмы геофинансов, позволившие частично вывезти, частично ликвидировать отечественный производящий капитал высоких технологических переделов. Иначе говоря, налицо было критическое концептуальное отставание «новой России 1990-х» в рамках обозначенного выше мирового системного цикла.

Нужно также отметить, что наше концептуальное отставание никуда не делось и сейчас, хотя

УДК 338.27

В статье раскрывается суть выдвинутой автором в ходе работы «Стратегического сообщества Усть-Качка» по подготовке стратегического сценарного прогноза в формате PEST(M) гипотезы о смене «системных точек сборки» мирового пространства.

Ключевые слова

Сценарный прогноз, PEST-анализ, циклы накопления Арриги, Пермский культурный проект.

➤➤ Пока мы с большим энтузиазмом реализовывали у себя геокультурную часть цикла мировой системной сборки в виде принятия «общечеловеческих ценностей», в отношении нас цинично использовались механизмы геофинансов.

и приняло несколько иные формы. Сегодня налицо достаточно успешно реализуемая «геополитическая» часть мирового цикла и одновременно попытка перейти сразу к геоэкономической части, минуя геокультурную, в частности концептуально-смысловую.

Это ошибка.

Сразу же хочется отметить, что «культура» — это не только «поем, танцуем и рисуем» и уж точно не «я художник — я так вижу».

Культура есть способ сохранения исторически сформированной цивилизационной сложности, предложение новой сложности в будущем, а также средство доведения до населения новых поведенческих и эстетических стандартов.

Если рассматривать действующих игроков Ближнего Востока и шире — Большой Евразии, то опыт создания «универсальной культурной

сложности», включающей комплементарность с другими культурами, имеют англосаксы (Британия, США) и русские (Российская империя, Советский проект). Ни Иран, ни Индия, ни тем более Китай, не имеют такого межцивилизационного геокультурного опыта.

Иными словами, в рамках Большой Евразии у России есть возможность сформировать те культурно-цивилизационные, универсальные принципы, на основе которых могло бы произойти объединение стран евразийского пространства, включая национацентричный Китай и «региональную» Индию.

А что же наш геополитический конкурент и «партнер» по большой игре прошлых столетий — англосаксонский мир?

В экспертных кругах весьма популярны «большие циклы накопления капитала» Джованни Арриги [2], согласно которым начиная с 2018 г. все ближайшее десятилетие пройдет под знаком

On Cycles, Cultural Complexity, Digital Economy and Industrial Revolution

The article dwells on hypothesis of changing the “system assembly points” of the world space, put forward by the author in the course of the Ust-Kachka Strategic Community meeting for preparing a strategic scenario forecast in the PEST(M) format.

Keywords

Scenario forecast, PEST analysis, Arrighi's cycles of accumulation, the Perm cultural project.

борьбы США за сохранение своего доминантного статуса.

По Арриги, раз в столетие (в среднем в 72 года) меняется доминантный ресурс, затухает пассионарная энергия системообразующей нации страны — мирового лидера, и мировой центр денежной эмиссии перемещается к новому мировому центру материального производства.

Прогнозируется, что следующим мировым производящим лидером будет Китай. Правда, Арриги почему-то не учел, что все предыдущие перемещения мирового эмиссионного центра происходили внутри условно западного мира или даже англосаксонской цивилизации. Цивилизации, что уже смогла предложить всему миру «универсальный смысловой концепт» в отличие от Китая. В связи с этим более подходящим местом для нового эмиссионного центра в случае необходимости его перемещения будет Новая Зеландия, а не Гонконг³. Но сейчас не об этом.

Начавшаяся борьба США за сохранение своего мирового лидерства в виде симбиоза «гибридных войн» и классической «петли анаконды» вокруг границ страны — потенциального нового лидера предполагает наличие у Соединенных Штатов весомых «аргументов» в пользу сохранения такого лидерства.

На сегодня можно выделить наиболее очевидные из таких «аргументов»:

- смена экономической и социальной модели внутри США;
- возврат промпроизводства и «инженерии»;
- роботизация взамен «дешевой рабочей силы» прошлых укладов;
- формирование «новых мировых рынков» под американские продукты VI уклада и формирование услуг экономики «виртуальных миров».

Последнее весьма любопытно, поскольку, во-первых, «виртуальный мир» должен содержать в себе культурно-смысловую сложность, причем универсальную для потребителей из разных мировых цивилизаций. Во-вторых, объем рынка «виртуальных миров» должен быть сопоставим с рынком материального производства, лидерство в котором, как упоминалось, переходит к Китаю. Иначе «товарное лидерство», центр эмиссии и мировое лидерство США удержать не удастся.

Иначе говоря, на сегодня США имеют ярко обозначенное конкурентное преимущество перед Китаем, которое заключается в универсальности

предлагаемой культурно-смысловой сложности, являющейся необходимым элементом «виртуальных миров». Китай не сможет самостоятельно оспорить данное преимущество в силу особенностей своего цивилизационного культурного кода.

И тогда мы снова возвращаемся к России! Ведь некогда советский проект вполне успешно конкурировал на концептуальном и культурном уровне с англосаксонским, и шире — с западным. А до этого конкурировал российский имперский проект, имевший в том числе византийские корни, и тоже не без успеха. Причем и великая русская литература, и советский кинематограф ставили целью формирование собственной смысловой сложности, и признание «вовне» шло не более чем дополнительным бонусом.

Переходя от исторического опыта к современности, интересно рассмотреть результаты реализации так называемого культурного проекта в формате «современного искусства» на конкретном примере.

Заявленной целью проекта «Пермь — культурная столица Европы» была смысловая инсталляция в крупный регион России «достижений западного постмодерна». В основу концепта «постмодерна» ставилась «Пирамида идеального потребления Маслоу» («человек достоин комфортно потреблять»). Отсюда существенный упор на «комфортность среды проживания».

➤ Прогнозируется, что следующим мировым производящим лидером будет Китай.

Попытка изначально была неадекватной, поскольку «комфортность среды» — величина всегда относительная и контекстно зависимая. Например, перевод заключенного из карцера в общую камеру есть то самое «повышение комфортности проживания». Кто-то будет спорить?

Неадекватной же попытка была потому, что уровень комфорта в рамках «Пирамиды Маслоу» определяется принятыми «стандартами потребления». А в проекте «глобальный мир» основным поставщиком «стандартов потребления» являлся Голливуд и мировые массмедиа. Иначе говоря, даже если наши граждане достигли бы фактического уровня жизни выше, чем в «цивилизованных странах», элементарная смена «принятых стандартов потребления» тут же поставила

бы их в конец списка, составленного по признаку «комфортность проживания».

Интересен результат реализации данного «культурного проекта». Статистика показала, что через два года после начала реализации концепта «комфортной среды» из региона стали активно выезжать люди с высшим образованием, преимущественно инженеры. Проведенный блиц-опрос показал, что под «комфортностью» уезжающие инженеры понимали интересную работу, ее достойную оплату, интеллектуальность круга общения и «чистоту в городе». Взамен уезжающих инженеров в регион потянулись люди без образования и московские «креаторы». Возможно, это было совпадение, но совпадение весьма любопытное. Не так ли?

Фактически же в рамках так называемого Пермского культурного проекта была реализована попытка замены внутренней смысловой сложности внешним многообразием форм представления. Произошла имитация развития вместо реального развития, что и послужило важным мотивом при миграции из региона «инженеров».

Здесь нужно уточнить, что активные попытки объединить «инженеров» и «креаторов» в некий единый «креативный класс» не обоснованны. «Инженеры» и «креаторы» задействованы в рамках единой рыночной производственной цепочки, но находятся на разных ее концах. *«Инженеры» — это про то, «как сделать», то есть те, кто формирует внутреннюю сложность. «Креаторы» — про то, «как продать», то есть те, кто формирует многообразие форм представления.*

Фактически «креаторы» — это люди, поддерживающие смысловое давление «Пирамиды идеального потребления Маслоу» на потребителей, формирующие стандарты потребления. Фиксируем.

И приведем еще одно суждение. Имитационная деятельность «креаторов» отторгается не только через смысловую сложность «инженеров», но не менее успешно и сетевыми структурами радикального толка. Экстремизм, имеющий в основе одну из мировых «религий Книги», все более успешно противостоит голливудской картинке, поскольку способен не только сломать данную картинку «в реале», но и имеет достаточно сложное, пусть и привнесенное из традиции семантическое ядро. Возникший же как смысловое усложнение изначального христианства «великий западный модерн» сегодня деградировал до такого состояния,

➤ В рамках так называемого Пермского культурного проекта была реализована попытка имитации развития вместо реального развития.

➤➤ Сегодня «наше будущее сидит в Интернете», из чего следует, что из всех искусств важнейшим становится формирование «виртуальных миров» с заложенными в них поведенческими алгоритмами на основе базовых цивилизационных культурных кодов.

что даже примитивное язычество богаче на смыслы, чем транслируемая нам «постмодернистская» версия. Иначе говоря, неизбежный уход от «Пирамиды Маслоу» в рамках такта «геокультура» в сторону «внутренней сложности» обусловлен не только дефицитом «инженеров» и необходимостью межцивилизационной смысловой (концептуальной) сборки, но и необходимостью предложить новую созидательную концептуальную повестку взамен наступающей радикализации.

Сегодня в мире провозглашено два разных концепта:

- цифровая экономика (ЦЭ);
- четвертая промышленная революция (4ПР).

В современной русскоязычной литературе эти два концепта смешаны в один, обозначенный как цифровая экономика. Но между данными концептами разница не меньшая, чем между «креаторами» и «инженерами». Хотя оба концепта и связаны и ЦЭ является продолжением, или, вернее, периферией, 4ПР, все же это разные концепты.

Приведем сравнение (см. *таблицу*).

Анализ *таблицы* показывает, что «промышленная революция» сформирует ядро «новой экономики» VI уклада, в том числе ядро для «виртуальной экономики».

В свою очередь «цифровая экономика» послужит торговой периферией (инфраструктурой), через которую будут продавать как продукты новой «промышленной революции», так и иные «товары потребления».

Собственно, поддержка «цифровой экономики» Китаем обусловлена как раз его возможностью производить те дешевые потребительские товары, которые затем будут реализованы через сетевую торговую периферию.

Нужна ли нам собственная цифровая сеть для распространения товаров? Да, вероятно, нужна. Но в гораздо большей степени нам нужны собственные товары новой промышленной революции, которые можно распространять через данные сети. Поскольку именно в этих товарах будет закладываться основная добавленная стоимость в силу свойства «редкости», а не в сетях распространения, где конкуренция будет весьма высокой.

Одним из уникальных товаров новой промышленной революции будет такой «товар-проект»⁴, как «виртуальный мир» (вирт). Данный товар будет устанавливать пользователям часть «культурного кода», прошитого в виде поведенческих алгоритмов, принятых в данном «виртуальном мире». А как говорилось в статье выше, *на данном этапе управление культурными кодами есть элемент управления будущими геоэкономическими союзами.*

В целом же связь концептов «цифровая экономика» и «четвертая промышленная революция» можно рассмотреть как взаимодействие трех блоков:

Сравнительный анализ цифровой экономики и четвертой промышленной революции

Цифровая экономика	Промышленная революция (VI промышленный уклад)
– «Виртуальная реальность»;	– «Дополненная реальность»;
– основной актор — «креатор» («как продать»);	– основной актор — «инженер» («как сделать»);
– цель экономической деятельности — максимизация прибыли (хрематистика);	– цель деятельности — предпринимательство, а не «бизнес»;
– приоритет процедуры (технологии);	– приоритет конечного продукта (инженерии);
– замена внутренней сложности многообразием внешних форм представления;	– внутренняя сложность;
– «Пирамида Маслоу»;	– «культурный код»;
– социальная значимость человека определяется его возможностью «комфортно потреблять»	– социальная значимость человека определяется его способностью «придумать» и «сделать»

- блок концентрации международного интеллектуального капитала в «виртуальной реальности», так называемый *вирт*, как объединение блока физических носителей и блока «виртуальных миров»;
- блок *эффекторов* как блок перевода продуктов «виртуальной реальности» в продукты «физической реальности»;
- транспортно-логистическая инфраструктура и *сетевая периферия* (то, что сегодня в России называют «цифровая экономика») — структура доступа к «виртуальной реальности», в том числе к игровой, и удаленному управлению физическими механизмами, а также торгово-распределительная и финансовая периферия. Данная «цифровая инфраструктура» соединяет блок «виртуальной реальности», блок *эффекторов* и пользователей *вирта*.

Разделение на указанные три блока — это *современная форма разделения государств на страны первого, второго и третьего мира*.

Интересно рассмотреть «потребительские свойства» нового товара (товара-проекта) «виртуальный мир» через простейшую группировку потенциальных потребителей.

Первая группа потребителей в *вирте* будет трудиться, то есть своим трудом увеличивать стоимость самого «виртуального мира». Например, усложнять его алгоритмы, делать дизайн, обучать системы искусственного интеллекта, отвечающие за функционирование виртуальных миров, и т.п. Иначе говоря, в этом случае мы имеем дело не столько с пользователями, сколько с работниками, реализующими элементы той самой IV промышленной революции.

Вторая группа будет использовать *вирт* как посредника между реалом и «виртуальным миром». Здесь огромное поле для реализации разного рода проектов, начиная от удаленного обучения, телемедицины и торговли и заканчивая управлением через виртуал сложными механизмами и процессами. Иными словами, *вирт* в этом случае есть подчиненный элемент реала, фактически это реализация «дополненной реальности», а «цифровая экономика» —

➤ **Возникший как смысловое усложнение изначального христианства «великий западный модерн» сегодня деградировал до такого состояния, что даже примитивное язычество богаче на смыслы, чем транслируемая нам «постмодернистская» версия.**

шлюз для входа в такую «реальность», канал получения услуг и предоставления своего личного рабочего времени.

Третья группа — это чистые пользователи услуг *вирта*. Люди, уходящие из реала в виртуальный мир и в тот «культурный код», который данный *вирт* будет поддерживать. Для этой категории пользователей в качестве первостепенного встает вопрос организации новой молодежной политики.

Сегодня «наше будущее сидит в Интернете», из чего следует, что из всех искусств важнейшим становится формирование «виртуальных миров» с заложенными в них поведенческими алгоритмами на основе базовых цивилизационных культурных кодов. ■

ПЭС 18041 / 21.03.2018

Примечания

1. В терминах метода PEST(M).
2. Промышленный капитал и та часть интеллектуального капитала, которая формирует интеллектуальный продукт, а не оказывает услуги.
3. Гипотеза выдвинута в ходе работы экспертного сообщества Усть-Качка в 2017 г. совместно с С.Б. Перслегиним
4. «Товар-проект» — геоэкономическая категория, товар, формирующий новые рынки: космическая ракета, компьютер, сотовый телефон, синтезатор пищи и т.п.

Источники

1. Стратегический сценарный прогноз. Пермский край, Россия и мир – 2030 / А.И. Агеев, общ. редакция. М.: Институт экономических стратегий РАН, РУБИН, 2016.
2. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006.

References

1. Arrigi Dzh. *Dolgiy dvadtsatyy vek: den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni* [The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Time]. Moscow, Territoriya budushchego, 2006.
2. *Strategicheskiy stsenarnyy prognos. Permskiy kray, Rossiya i mir – 2030* [Strategic Scenario Forecast. Perm Krai, Russia and the World — 2030]. Pod obshch. red. A.I. Ageeva. M.: Institut ekonomicheskikh strategiy RAN, RUBIN, 2016.